

Книга для чтения

К 150-летию Словаря В. И. Даля

© О. В. НИКИТИН,

доктор филологических наук

В статье дается обзор фрагментов биографии замечательного русского писателя, этнографа и лексикографа В. И. Даля. Особое внимание обращается на лексикографическую работу ученого. Отмечается актуальность его Словаря в современной филологической практике. В работе говорится о значении «живого великорусского языка» В. И. Даля для светского и духовного образования.

Ключевые слова: биография, словарь, лексикографическая практика, народная культура, тайные языки в России.

The article provides an overview of the fragments of the biography of the prominent Russian writer, ethnographer and lexicographer Vladimir Dahl. Particular attention is drawn to the work on his Dictionary. It is noted the relevance of his Dictionary of contemporary philological practice. The article discusses the importance of «the living great Russian language» by V. Dahl for secular and spiritual education.

Key words: biography, dictionary, lexicographic practice, popular culture, argot in Russia.

История нередко преподносит загадки, разгадывать которые приходится многие годы. И кажется порой, чем дальше от нас уходит то далекое время, тем ближе мы ощущаем парадоксы нынешней эпохи, часто воздвигающей на пьедестал иные ценности, иные приоритеты. Но есть и другая сторона бытия – духовная, вневременная. Ее осязаемая сила движет людьми и по сию пору, обращает нас в свою веру, остоном которой всегда был и останется Человек.

Владимир Иванович Даль – один из немногих пока еще «несвергну-тых» с искусственного пьедестала современной науки ученых – мыслитель, педагог, страстный собиратель и охранитель старины. Его жизнь и подвижническая деятельность до сих пор являются удивительным примером служения своему Отечеству, отдаче ему всего своего таланта, душевных сил и титанического, подчас неподъемного труда.

В.И. Даль родился 10 ноября 1801 года в Лугани в семье врача, датчанина по происхождению. Получив хорошее домашнее образование, с 1814 по 1819 годы он учился в морском кадетском корпусе в Петербурге, а затем служил некоторое время на Черноморском флоте. Во время учебного плавания в 1817 году он посетил Данию, о чем позднее скажет так: «Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков» [1. С. 285]. Первым большим увлечением и любимым занятием Даля была медицина. Он учился этому мастерству в Дерптском университете, где в 1829 году защитил диссертацию по хирургии черепа и глаз и получил степень доктора медицины. Позднее Даля направляют в качестве врача в действующую армию, и он участвует в походе русских войск на Балканах. Его дочь, Е.В. Даль, позднее очень точно передаст внутреннее устремление молодого Даля, для которого военная карьера не была главной целью. Описывая события 1828 года, она замечала: «Между тем русский язык все более и более приковывал его к себе. Давно образовалась в нем привычка записывать пословицы или слова, которые он в первый раз слышит. Теперь он серьезно взглянул на эти записи и решил: передать со временем их какому-нибудь составителю словаря или академии.

К такому решению отец пришел по следующему случаю, в котором он, вовсе не суеверный, ясно увидел перст Божий: его верблюд [речь идет о Турецкой войне. – *О. Н.*] пропадал одиннадцать суток; и вернувшись на двенадцатый день, оказался никем не развьюченным: *все* рукописи отца были целы.

Рассказывая об этом, отец сознавался, что с возвращением верблюда он обрадовался своим рукописям, как чему-то родному и с этой поры начал особенно дорожить ими» [2. С. 105].

Даль заканчивает военную карьеру в 1833 году и поступает через некоторое время на государственную службу: он становится чиновником особых поручений при военном губернаторе Оренбургского края. Уже в те годы появляются первые произведения Даля: повесть «Цыганка» и сборник «Русские сказки из предания изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским». Находясь на «разъезжей» службе, Даль немало сталкивался с людьми разных сословий, хорошо узнал быт и культуру русской глубинки, характер и привычки людей разных национальностей. Сохранилось свидетельство об общении Даля с Пушкиным в это время, когда тот исследовал историю Пугачевского

бунта. В 1836 году состоялась новая встреча с поэтом на ниве словесного творчества. Наконец, трагическая весть о смерти на дуэли Пушкина свела в последний раз Даля с его другом. Он неотлучно дежурит у постели Пушкина и как врач старается облегчить страдания умирающего поэта. После смерти поэта Даль «получил от его вдовы простреленный сюртук и знаменитый перстень-талисман. Впоследствии составил ценные записки о Пушкине» (цит. по изданию: [3. С. 77]).

Дальнейшая деятельность Даля была также связана с работой в разных ведомствах. А в 1838 году его избирают в члены-корреспонденты Императорской Академии наук по разряду естественных наук. В 1839–1840 годах он участвовал в Хивинском походе русской армии. С 1843 по 1849 годы Даль заведовал особой канцелярией Министерства внутренних дел. С 1849 по 1859 годы он занимал должность управляющего конторой удельных имений в Нижнем Новгороде. Здесь он ведет разнообразные дела, пишет прошения, рассматривает жалобы и в то же время пополняет свой лексикографический багаж (он готовит к изданию сборник «Пословицы русского народа»). Сохранились любопытные свидетельства о жизни ученого в эти годы. Вот одно из них: «Бывало, придет в удельный приказ... Прежде чем толковать о делах... обойдет больных, кому сделает операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет» [3. С. 78]. В 1859 году Даль выходит в отставку и поселяется в Москве. Заметим, что В.И. Даль едва ли не единственный русский филолог (может быть, только за исключением И.И. Срезневского), дом которого впоследствии стал мемориальным музеем. Находится он в Москве на Малой Грузинской улице. В.И. Даль был открытым и радетельным хозяином. Я.К. Грот так сказал о нем: «Будучи очень бережлив и прост в своем образе жизни, он в то же время был всегда гостеприимен: друзей, приходивших к нему около раннего обеденного часа его, он всегда приглашал к своему столу, а проезжавшим через Москву близким людям радушно предлагал пристанище в своем просторном доме» (см. подробнее: [4.С. 257–274]).

Богатая талантами натура Даля находила творческое (=человеческое) воплощение и в этнографии, и в естествознании, и в истории, и в языковедении. Даль – автор многочисленных рассказов: широкую известность получили его «Картины из русского быта», сборники для народного чтения «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» и другие произведения, в том числе рассказы для детей, философские и религиозные сочинения, которыми он занимался на склоне лет. Даль является также автором ряда лингвистических трудов и работ по русской диалектологии. Из них укажем следующие: «Полтора слова о нынешнем русском языке», «О наречиях великорусского языка», «Напутное слово», «О русском словаре».

В воспоминаниях дочери В.И. Даля сохранились интересные бытовые зарисовки семейной атмосферы и живые портреты тех великих соотечественников, с которым был знаком ее отец: «Бабушка любила заниматься

с детьми и поучать их. Ко дню рождения отца она готовила всегда какой-нибудь сюрприз. То нас одевали итальянками и мы пели рыбацкую итальянскую песенку и тащили какое-то морское чудовище (чуть ли не черепаху), из чего развертывался шелковый халат – подарок отцу. То старшие разучивали французскую комедию (...). Гостей было много. Я сидела на коленях отца и все время терлась об него затылком, чтобы растрепать свои завитые кудри, которые меня очень смущали (...). Знаком отец был более или менее со всем кругом писателей того времени, но не всех их жаловал. Бывал Греч, Краевский, Григорович, часто какие-нибудь проезжие или приезжие писатели. Показывали нам как диковинку Гоголя и велели помнить, что мы его видели. Шествуя обратно в свою детскую, мы натверживали: “Тоголь-моголь, гоголь моголь”, чтобы не позабыть» (цит. по изд.: [5. С. 28]).

Исследователям отечественной филологии личность Даля известна прежде всего как автора-составителя «Толкового словаря живого великорусского языка», первый выпуск которого вышел в 1861 году. В первоначальном варианте (издание И. А. Бодуэна де Куртенэ было значительно дополненным и исправленным) было около 200 тысяч слов. При отборе языкового материала ученый ориентировался на живую народную речь, противопоставляя как бы свой Словарь академическим опытам и выходя за рамки принятой «нормативности». В статье «О русском словаре» он сочувственно писал: «Главное вниманье обращалось на язык простонародный. В языке нашем нет таких говоров, каковы областные наречия западной Европы, где искаженное на особый лад произношенье, взапуски с местными, нигде более неслышанными выражениями, вовсе затемняют коренной язык. Речь наша всюду одинакова...» [6. С. XXXVIII]. Но В. И. Даль здесь имел в виду то, что на огромном пространстве страны у нас *общий* язык, разнящийся интонацией, своими «приговорами». Как здесь не отметить северное *взабыль* – «подлинно, истинно, точно», вологодское *гургать* – «стучать, греметь, урчать», тульское *жемжура* – «скорая, бойкая, вертлявая женщина, провора» [7. Т. I. С. 190, 408, 532] и мн. др.

Другой великий знаток лексикографического дела, Д. Н. Ушаков, верно подметил направленность этого издания и его, если угодно, просветительское значение: «Составляя свой словарь в пособие для усвоения “утраченного нами духа языка”, Даль хотел дать книгу не только такую, в которой можно лишь справляться, но которую можно и читать (и его словарь действительно можно читать)» [8. С. 173].

Словарь включил богатые, колоритные иллюстрации, некоторые фрагменты объяснялись им с помощью этимологии слов (правда, на том этапе не всегда удачно). Подсчитали, что Словарь насчитывает около 30 тысяч идиом: пословиц, поговорок, метких речений и иных оборотов, почерпнутых им из живой простонародной речи. «В труде Даля, – писал в своем разборе Словаря Я. К. Грот, – нас поражают два личные достоинства автора, без которых он не мог бы и выполнить своей задачи: это ... энергическая

настойчивость и упорное постоянство в преследовании цели... Другим важным условием для совершения такого обширного труда было скромное сознание автором меры своих сил и той доли пользы, какую он мог бы принести русскому слову» [9. С. 58]. И действительно, издание Словаря стало всенародным событием – и в том смысле, что на его страницах выразились многовековой обиход и наречия русского государства на всех его необъятных просторах.

Споры о Словаре Даля шли уже в его время. И действительно, кроме народных речений здесь упомянуты и заимствования, такие, как *бюджет*, *бюллетень*, *бюро*, *бюрократия* [7. Т. I. С. 158] и др. Но стоит ли их воспринимать только с позиции языковедческой? Ведь для Даля эти слова были из живого речевого обихода. Этим он, возможно, показывал неоднородность «простого» языка, способность впитывать новые явления, «обрабатывать» их, включать в свою культурную традицию. Но тем не менее даже исследователи того времени подмечали специфические черты Даля-лексикографа, что впрочем, нисколько не умаляет его заслуг, а лишь говорит о том истинно народном, «стихийном» образовании, которое он получил, когда стал заниматься лексикографией, только-только приобретавшей свой академический облик. Вот, например, сказал С.К. Булич: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического (различные объяснения обрядов, поверий, предметов культуры и т.д.), к сожалению, не всегда достоверного. Д(аль) не мог понять (см. его полемику с А.Н. Пыпиным в конце IV т. Словаря), что ссылки на одно “русское ухо”, на “дух языка”, “на мир, на всю Русь” при невозможности доказать, “были ли в печати, кем и где говорились” слова в роде *пособ*, *пособка* (от *пособить*), *колоземица*, *казотка*, *глазоем* и т.д., ничего не доказывают и ценности материала не возвышают. Характеристичны слова самого Д(аля): “с грамматикой я искони был в каком-то разладе, не умея применять ее к нашему языку и чуждаясь ее не столько по рассудку, сколько по какому-то *темному чувству*, чтобы она не сбила с толку” и т.д. (напутное слово к Словарю). Этот разлад Д(аля) с грамматикой не мог не сказаться на его Словаре, расположенном по этимологической системе “гнезд”, разумной в основе, но оказавшейся не по силам Д. Благодаря этому у него *дышло* (заимствованное из нем. *Deichsel*) стоит в связи с *дыхать*, *дышать*, *простор* – с *простой* и т.д. Тем не менее, Словарь Д(аля) до сих пор является единственным и драгоценным пособием для каждого занимающегося русск(им)яз(ыком)» [10. С. 48].

В.И. Даль первым из русских ученых приоткрывал иную сторону народной культуры. Будучи страстным любителем обиходной речи, собирателем говоров, он не мог не обратить внимания на такую особенность «человеческой» словесности: в одних районах окают, в других – акают. Но встречались и такие «путники»: торговцы, ремесленники (портные, шерстобиты, коновалы), нищие, которые владели своим *особым* языком, не

похожим на естественную народную речь. На первый взгляд, это какая-то «тарабарщина», не имеющая никакого смысла. Вот один такой фрагмент, воспроизводимый по записям В.И. Даля: «Ховряк, подвандаймасубухарничекгомыры, почунаюсь перед басвою». Этот «офенский разговор» переводится так: «Барин, поднеси рюмку водки, поклонюсь перед тобою». Но здесь есть *другой* смысл: по возможности, скрыть истинное значение слова и намерение его интерпретатора завуалировать его набором непонятных сочетаний. Спрашивается: а для чего это было необходимо делать? Тайноречие – это искусственно созданный профессиональный язык, позволявший своим отличать чужого, засекретить нужную информацию, предназначенную только для представителей одного «клана». Но и здесь, как видно даже из этого небольшого отрывка, не все слова нерусские, например, фигурирует предлог *перед* с тем же значением, с которым он употребляется и в литературной речи. Итак, Даль-лексикограф взялся за изучение «офенского наречия». В течение долгой жизни он собирал такие словечки, обрабатывал их, определял ареалы распространения народной словесности, получившей в науке название *арго* (рукописные словари Даля были изданы позднее, см.: [11]).

За первые выпуски Словаря Русское Императорское географическое общество в 1861 году наградило Даля золотой Константиновской медалью, а после выхода в свет четырех томов его удостоили Ломоносовской премии (1870). В 1868 году В.И. Даль избрали почетным членом Императорской Академии наук. Оценки крупнейших филологов того времени свидетельствовали о том, что это колоссальный труд, выходящий за рамки академического словаря. Вот как об этом писал Я.К. Грот: «В рассмотренном словаре мы видим первую попытку охватить это безбрежное море русского слова. Можно с уверенностью сказать, что никакой другой труд не был бы приветствован самим Ломоносовым с такою душевною радостью, как именно словарь, поставивший себе задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содействовать чистоте его. ... Отделение русского языка и словесности тем с большим удовольствием присуждает ее ныне, что думает принести этим новую дань уважения памяти Ломоносову. Академия Наук ничем иным не могла бы лучше выразить своего одобрения заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русского слова» [9. С. 60].

Современники Даля и исследователи его творчества не раз говорили о ценности Словаря и том влиянии, которое он оказал на всю последующую работу по собиранию и систематизации диалектных источников и составлению исторических словарей.

О Дале написано много статей и книг. Отдельные штрихи к его портрету, опущенные, по-видимому, в силу «сложившейся традиции», известны меньше. О них поведали его знакомые и друзья. Один из таких эпизодов пересказывает П.И. Мельников: «Помню раз, года четыре тому назад [имеется в виду конец 1860-х гг. – О. Н.], прогуливались мы с ним по полю

около Ваганькова кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович.

– Вот и я здесь лягу, – сказал он, указывая на кладбище.

– Да Вас туда не пустят, – заметил я.

– Пустят, – отвечал он, – я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям» [1. С. 338]. Так впоследствии и случилось: пригласив православного священника незадолго до своей кончины, Даль обрел, наконец, единоверие с Русской землей, которой служил всю свою жизнь и был един с ней духом, верой и словом. В.И. Даля отпевали по православному обычаю и похоронили на Ваганьковском кладбище.

Другой эпизод также весьма показателен (в передаче П.И. Мельникова): «...поднялся в печати вопрос о немцах прибалтийского края. В это время дерптские друзья Даля требовали от него категорического ответа, кто он – русский или немец.

Вот что писал он им: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот, где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [1. С. 340].

В.И. Даля нет с нами уже много лет, но жив его Словарь. И что удивительно: он перешагнул XXI век и до сих пор остается актуальным не только для ученых и педагогов, но и для широкой читательской аудитории. Казалось бы, век новых технологий должен жить «языком на грани нервного срыва» и совсем забыть словесную музыку наших предков, ориентировавшихся на иные ценности. Но такого не происходит. И отчасти потому, что обращение к истокам и картинам прошлого учит многому. С этой позиции Словарь Даля – едва ли не самый успешный массовый «проект» (мы намеренно взяли в кавычки это модное ныне слово), получивший признание во всем обществе и придавший импульс для дальнейшего исследования народной культуры.

Словарь Даля создавался в эпоху смены общественных, политических и экономических настроений, когда многое казалось «не нужным», «устаревшим», а «романтика» народного слова – делом поэтов и писателей. И в данном смысле он как бы находился в русле новой «разночинской» идеологии народников, но утверждал совсем другое: он оберегал те сокровища речи, которые вот-вот могут исчезнуть, говорил об уникальности живого слова и его носителей, охранял традиционную русскую культуру от распада и разложения. Сам Даль очень скромно об этом сказал: «...это труд не зодчего, даже не каменщика, а работа подносчика его; но труд целой жизни, который сбережет будущему на сем же пути труженику десятки лет» [6. С. XLVIII]. Можно сказать также, что Словарь Даля предвосхитил современные эколлингвистические дискуссии и попытки современных

ученых осмыслить тот самый «ойкос», найти пути к сбережению слова (см., напр.: [12]).

Словарь Даля охватил практически все наречия русского языка – и территориально, и, так сказать, психологически, и этнологически и показал, насколько велики культурные горизонты народной речи, которые подпитывают литературный язык, укрепляют его остов. Из всех мелких родников слова вытекает одна большая река *государственного* языка.

В современной филологической практике с ее разработанным аппаратом и четкими принципами Словарь Даля воспринимается не только как «узкоспециальный» диалектный лексикон, но и особого типа *идеографический* словарь, дающий представление о традиционной русской языковой картине мира средствами ее языка. И в этом отношении он может быть признан самым авторитетным словарем.

Наконец, Словарь Даля – это Книга для чтения, которую каждый из нас обязан внести в список умных книг, воспитывающих характер, укрепляющих наш дух, помогающих нам своими ценностными ориентирами и питающих нас чистым и благодатным *живым* словом.

Литература

1. Мельников П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. М., 1873. № 3.
2. Даль Е.В. Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям дочери) // Русский вестник. М., 1879. Т. 142 (июль–август).
3. Ильин-Гомич А.А. Даль Владимир Иванович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992.
4. Грот Я.К. Воспоминание о В.И. Дале // Записки Императорской Академии Наук. СПб., 1873. Т. 22.
5. Три этюда о Владимире Ивановиче Дале [предисловие, подготовка текстов и публикация О.В. Никитина] // Московский журнал. История государства Российского. 2001. № 11.
6. [Даль В.И.] О русском словаре // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. I.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1991.
8. Ушаков Д.Н. В.И. Даль и его Словарь // Вестник просвещения. М., 1922. № 8.
9. Грот Я.К. Народный и литературный язык // Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб., 1876. Т. 1.
10. Булич С.К. Даль Владимир Иванович // Энциклопедический словарь. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1893.
11. Бондалетов В.Д. В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004.
12. Хроленко А.Т. Основы современной филологии: Учеб. пособие / Науч. ред. О.В. Никитин. М., 2013.